

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

**БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
(НИУ «БелГУ»)**

**СОЦИАЛЬНО - ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра культурологии и политологии**

**ФЕНОМЕН ОТЧУЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Дипломная работа студентки

**очной формы обучения
направления подготовки (специальности) 51.03.01 Культурология
4 курса группы 87001205**

Крупской Оксаны Леонидовны

Научный руководитель
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры культурологии
и политологии
Бросова Н.З.

БЕЛГОРОД 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Раздел 1. ОТЧУЖДЕНИЕ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА – ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ.....	7
1.1. Оформление проблематики отчуждения в западноевропейской идейной и культурной традиции.....	7
1.2. Философская и культурологическая методология исследования отчуждения в современной западноевропейской мысли.....	12
Раздел 2. ФОРМЫ ОТЧУЖДЕНИЯ.....	18
2.1. Скрытые формы проявления отчуждения (скука и отвращение).....	18
2.2. Явные формы проявления отчуждения (бегство и акедия).....	26
Раздел 3. ПРОБЛЕМАТИКА ОТЧУЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ НАУКЕ.....	34
3.1. Эмпирические исследования и интерпретация феномена отчуждения в современном западноевропейском обществе.....	34
3.2. Теоретические прогнозы: перспективы преодоления отчуждения.....	39
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	46
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	50
ПРИЛОЖЕНИЯ	55

ВВЕДЕНИЕ

Отчуждение как сложное социокультурное явление лишь относительно недавно стало привлекать к себе пристальное внимание ученых, наметивших различные направления этой научной проблемы. Понятие отчуждения используется в юриспруденции, социологии, психологии, философии, подчеркивая общий пункт нарушения целостности, естественной связности социального организма, личной или общественной идентичности. Вместе с тем, это понятие обозначает специфический процесс преобразования отдельных качеств человека или социума, их *объективацию*, когда объективированные свойства, результаты деятельности, общественные отношения превращаются в самостоятельные, противостоящие человеку и обществу силы. Классическая немецкая философия рассмотрела общетеоретический аспект отчуждения, подкрепив примерами анализа формализма римского права, а также языка как действительности отчуждения духа. Дальнейшие исследования обратились к социокультурному и финансово-экономическому измерению отчуждения, выявив спектр соответствующих проблем религии и экономики. Данное направление оказалось чрезвычайно продуктивным в современных условиях усиливающейся интеграции социокультурной сферы с экономикой, правом, политикой, особенно заметной в современном западном обществе.

Актуальность представленной выпускной квалификационной работы определяется избранной проблемно-тематической областью и акцентами ее рассмотрения. Дипломное исследование посвящено анализу феномена отчуждения, который конкретизируется в широком контексте антропологической проблематики, характерной для современных западноевропейских культурно-философских течений: феноменологии, вариантов экзистенциализма, герменевтики, постструктурализма, постмодернизма и т. п. Возникающие новые формы и способы проявления отчуждения связаны с процессами глубинных трансформаций западного

общества, что требует как переосмысления самого отчуждения, так и возможных предложений по его преодолению.

В современном глобализирующемся социуме усиливается и расширяется феноменология отчуждения: обнаруживаются его необычные формы, связанные с различными социально-психологическими девиациями, с неспособностью или невозможностью человека реализовать свои творческие способности, с усложнением комплекса различных общественных влияний, подавляющих личность и т. д. Необходимо особо отметить последствия вступления человечества в современную информационную цивилизацию, где возникают новые сферы деятельности, в которых целостное существование человека и сохранение его идентичности становятся все более проблематичными. Новая информационная реальность инициирует необратимые изменения: отчуждение не только сопровождает общество и отдельных его представителей, но и обретает специфические черты, усугубляя свое воздействие. Социальная и межличностная коммуникация во многом оказывается опосредованной техническими средствами, что способствует обострению отчуждения – и в субъективно-психологическом, и в объективном социокультурном плане. С одной стороны, эта опосредованность способствует упрощению коммуникации, с другой – подобное упрощение оказывается неспособным обеспечить чувство социальной сплоченности. В современном обществе человеческие связи легко образуются и так же легко прерываются; а это, в свою очередь, приводит к утрате социокультурной стабильности.

Новизна выпускной квалификационной работы состоит в теоретическом освоении и введении в российское научное пространство концептуальных исследований по проблематике отчуждения, предложенных скандинавскими учеными Л. Свендсен и К. Юханнисон. Практически-прикладной аспект новизны дипломной работы состоит в апробации специального теста, разработанного профессорами Калифорнийского университета (Лос-Анджелес, США) Д. Расселом и М. Фергюссоном, по выявлению степени отчужденности

современных западных европейцев (проведен опрос, результаты представлены в таблицах и проанализированы).

Степень разработанности проблемы. В раннем зарубежном философско-культурологическом дискурсе проблема отчуждения представлена исследованиями крупнейших мыслителей эпохи Просвещения (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Вольтер, Т. Джефферсон и др.) и произведениями представителей романтизма (Ф. Шиллер, Фр. Шлегель, Новалис и др.). Как уже отмечалось, классическая немецкая философия и ее идейные оппоненты (И.Г. Фихте, Ф. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель, Л. Фейербах, К. Маркс, С. Кьеркегор) в течение XIX века подробно анализировали общетеоретический, социально-экономический, историко-культурный аспекты отчуждения. В современной западноевропейской культурологической и философской мысли проблему отчуждения исследовали: Г. Лукач, Т. Адорно, Г. Маркузе, К. Ясперс, М. Хайдеггер, А. Камю, Ж.-П. Сартр, Ж. Маритен, П. Тиллих, Ж. Бодрийяр и др. Все они изучали тему отчуждения с различных сторон и в разных аспектах; однако их подходы и трактовки вопросов далеко не во всем соотносятся с направлением нашего исследования. В рассматриваемом нами аспекте проблематики работают отмеченные выше ученые Л. Свендсен и К. Юханнисон, обратившиеся к вопросам взаимосвязи отчуждения с другими социокультурными аспектами, включая также гендерные исследования.

Объектом исследования является современный западноевропейский социокультурный контекст, артикулирующий проблематику отчуждения.

Предметом исследования выступает феномен отчуждения как экзистенциально-антропологического измерения современного западноевропейского общества.

Цель исследования заключается в том, чтобы систематически раскрыть основополагающие характеристики феномена отчуждения в современном западноевропейском обществе.

Задачи, определяемые для достижения данной цели:

1. Исследовать оформление проблемы отчуждения в западноевропейской культурной и идейной традиции как следствия секуляризации общества;
2. Раскрыть особенности трактовки отчуждения в современной западноевропейской культурологической и философской мысли;
3. Проанализировать феномен отчуждения человека в обществе, используя предложенные скандинавскими исследователями (Л.Свендсен и К. Юханнисон) концепты бинарных форм скуки и отвращения, бегства и акедии, а также их взаимосвязи.
4. Провести среди жителей европейских стран (Франция, Германия, Австрия, Венгрия, Италия, Дания, Финляндия, Чехия, Польша, Швеция) в возрасте от 20 до 35 лет опрос по тесту Д. Рассела и М. Фергюссона на выявление степени отчужденности.
5. Выявить возможные способы преодоления отчуждения.

Для решения поставленных задач в дипломной работе применялись общенаучные **методы**: анализ, синтез, сопоставление, сравнение, обобщение, позволившие систематизировать материал. Использовались также: исторический подход в сочетании с генетическим методом, с помощью которого рассматривалась логика становления понятия «отчуждение» — от вводимого термина до философско-антропологической категории. С помощью кросс-культурного метода был проведен статистический анализ отчужденности среди западных европейцев.

Практическая значимость данной выпускной квалификационной работы заключается в том, что полученные результаты исследования могут быть использованы в научно-методической, социологической, психологической практике, в учебном процессе при подготовке лекционных курсов по культурологическим дисциплинам.

Структура дипломной работы обусловлена предметом, целью и задачами исследования; она состоит из введения, основной части, представленной тремя главами, заключения, списка использованной литературы в количестве 64 источника и приложений.

1. ОТЧУЖДЕНИЕ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА – ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Феномен отчуждения обладает историей. Как на уровне отдельно взятого индивида, так и целого общества он имеет историческую обусловленность. Каждое время допускает или отвергает различные его интерпретации. В один исторический период проблема отчуждения рассматривалась с точки зрения космоцентризма, в другой – с точки зрения теоцентризма, в третий – антропоцентризма и далее. В основном интерес исследователей ограничивался только причинами отчуждения. Лишь в XIX веке начинают формироваться более детальные концепты.

В настоящей главе мы обратимся к истории и попытаемся увидеть пути становления проблемы отчуждения в работах ряда философов минувших эпох и то, как она интерпретируется современными авторами, а также рассмотрим философскую и культурологическую методологию исследования проблематики отчуждения в западноевропейской идейной и культурной традиции.

1.1. Оформление проблематики отчуждения в западноевропейской идейной и культурной традиции

Социально-политический кризис отразился на общей духовной ситуации Европы XVIII-XX вв.: изматывающие войны, крах великих империй, традиций, культур. Доминировавшие ранее ценности дискредитировали себя, произошел кризис рационализма, возникла ситуация отчуждения, рушились надежды и смысложизненные установки, исчезла стабильность и уверенность в завтрашнем дне. Думающая интеллигенция переживала травматический шок: то, что ранее воспринималось как непреложная истина, то, что считалось идеалами теоцентризма, рациональности, просвещения и научного прогресса теперь ушло в прошлое. Но изменение ценностных критериев и нравственная переориентация, надо отметить, все же происходили, хотя и со знаком «минус». Именно на подобных установках, связанных с автономизацией субъекта и

социума, сформировалась современная западная цивилизация, кризис которой неоднократно становился предметом исследований и размышлений философов и культурологов.

Важно отметить, что каждая культура как часть органической социокультурной системы многомерна. Зачастую в ней заключаются мировоззренческие конструкции, противоположные по содержанию. Подобная тенденция может быть отнесена как к европейской культуре XX века, так и к культуре XVI-XIX веков. В современных культурно-философских дискуссиях относительно гуманизма и поиском человеком себя можно увидеть не только разрыв с парадигмой Нового Времени, но и обращение к иным ее граням. Гуманизм считается характерным признаком мировоззренческой ориентации, сложившейся в Новое Время. Хотя в исследовательской литературе отмечается, что термин «гуманизм» сложился только в XIX веке, истоки его концепции относятся к культурной традиции Возрождения [13, 59].

Гуманистическое мировоззрение основывалось на христианской концепции человека «венца творения». Возникнув вследствие интерпретации библейского текста «Бытие», она соединилась с традицией, эзотерической по своей сущности, герметизма. Но если средневековое учение синтезировало догму о человеческом достоинстве как венца, созданному по образу и подобию Бога с той оговоркой, что человек – испорченное существо, который может искупить свои грехи при помощи одного Бога, то гуманизм эпохи Возрождения сосредотачивается только лишь на достоинстве. Дж. Пико делла Мирандола писал о человеке как существе, который может иметь возможность владения всем, что только пожелается и быть тем, кем захочется. Это и есть «высшее и восхитительное счастье» [21, 508].

Немаловажно, что в период своего оформления, концепция гуманизма заключала множество противоречий. Именно они стали определять внутреннюю динамику и трансформацию культуры Европы до XX века [33, 93].

Первый фактор – противоречие между индивидуальным и социальным видением. Открытием культуры эпохи Возрождения стало новое понимание

человеческой индивидуальности как ценности. Баткин Л.М. отмечал, что в идее индивидуальности выражались новые европейские политические и экономические реалии. Категория «индивидуальности» оказалось сопряжена в то время с утверждающимся принципом индивидуальной свободы [34, 219]. Поскольку гуманизм на протяжении XIV-XV веков оставался формой религиозной доктрины, в которой человек осмыслялся в отношении к Творцу и к живой природе, гуманисты не видели противоречия между индивидуальностью как ценностью и свободой.

Следующий фактор – одновременное понимание человеческой природы как наделенной животными и разумными, духовными чертами, проникшее из духовной античной и библейской традиций. В Библии человек представлялся в виде единства живой материи и субстанции, в античной – по аналогии с устройством Вселенной: через Микрокосм и Макрокосм, где присутствовали страсть, разум, тело. Мыслители эпохи Возрождения используют в равной степени в своих работах античные и христианские концепции, в отличие от ученых античности, которые понимали человека как «политическое» животное. Роттердамский Р. Приводит цитату из «Тимея» Платона, в которой тот говорит о двойкой сущности души. Первая – божественная, бессмертная, вторая – смертная, подверженная страстям.

Третий, немаловажный фактор заключается в том, что гуманистическое мировоззрение было характерно только для интеллектуальных кругов общества. Гуманизм формировался одновременно с протестантизмом и естественнонаучной философией. В этой связи, обладая в своем мышлении перечисленными противоречиями, ученый эпохи Возрождения находился в рамках христианской культурной традиции. Такое мироощущение предполагало то, что решение проблем возлагается на Творца, поскольку именно он несет ответственность за судьбы сотворенных людей. Следующая эпоха перевернула религиозное мироощущение, наделив трагизмом гуманистический уклад сознания и разорвав противоречия культуры XIV-XV веков.

Но, пожалуй, главное противоречие состоит в том, что в Возрождение возникает новое понимание сущности человека: божественной и природной. В европейской культуре именно гуманизм, освободив общество от религиозных институтов, привел к секуляризации сознания. Этот процесс, как считает Харламов А.В., не завершен и в наши дни, поскольку имело место переложение функций Бога на человека [33, 95]. В сознании европейцев возникла вера в осуществление Царства Добра без вмешательства Бога, а место веры в Бога заняла вера в Разум.

Средневековая культура еще не обладала интеллектуальной возможностью видения бытия, которая была свойственна секулярной европейской культуре в Новое Время. Стоит отметить тот факт, что, если пантеистическое мировоззрение (каковым обладал Б. Спиноза) воспринимало мир в божественном смысле, которое хоть и отличалось от христианского видения, то противоположное – деистическое видение (Р. Декарта, например) возвело секуляризацию в ценность, а с ней появилась вера в абсолютную ценность каждого человека.

Представление о сущности «Я» человека эпохи Нового Времени, сформировавшееся в сознании масс, выдвинуло в центр доктрины отчуждения «природу человека», так как только человек понимался как главный субъект деятельности.

В духовной традиции Европы оформилась парадигма, согласно которой любая из форм отчуждения могла служить отчуждению субъекта деятельности от себя самого в результате самой этой деятельности. К. Маркс считал, что отчуждение человека возникает в результате отчуждения вещей [15, 408]. Таким образом, гуманизм с его представлением о человеке как о целом, отказавшись от Бога, закладывает традиции понимания отчуждения.

П. Тиллих считал, что утрата Бога в XIX веке привела к «поиску смысла и возникновению отчаяния» в XX веке. Л. Фейербах отказался от Бога, объясняя веру в него как жажду человеческого сердца, а Ф. Ницше – как от того, от чего слабеет воля к жизни. Как результат – появление фразы «Бог умер». Стоит

подчеркнуть, что вместе с Богом умерла ценностно-смысловая система, внутри которой ранее жил человек. Маркс К., отказавшись от Бога, пытался возвыситься над реальностью. Результаты процесса десакрализации стали еще осязаемее в XX веке. Причина кроется в особой трактовке сущности человека, которая не учитывала развитие как отдельно взятого человека, так и целого общества [27, 101].

История XIX и XX века свидетельствует о нарастающем отчуждении, что нашло отражение в сознании общества. На рубеже XX века произошел кризис антропологизма, попытками выхода из которого стало возникновение философской антропологии (М. Шелера), экзистенциализма с темой обреченности «Я» человека на одиночество (Ж.-П. Сартр) и неотоцизм. Его главной идеей стало возвращение к теоцентрической картине мира (Ж. Маритен, К. Ранер) [9, 268-275]. Культурно-философский анализ показывает, что авторы перечисленных взглядов и направлений стремились, скорее, снять суть проблемы путем поиска новых парадигм или модернизации ранее существовавших, чем найти универсальное решение, которого, как такового, не существует по сей день.

Противоречия «гуманизма» и «антигуманизма» отражают процессы бытия в современном общественном сознании Европы. Социальное отчуждение – один из примеров. В XX веке развитие европейской культуры характеризовалось как усилением традиционных, так и появлением новых форм отчуждения человека, ранее неизвестных культурам прошлого (отчуждение труда, экономическое, религиозное и др.). Харламов А.В. считает, что «тотальное отчуждение» может быть обозначено в качестве одной из таких форм отчуждения [33, 93]. Она взаимосвязана с проблематикой массовой культуры и массового сознания. Ранее существовавшие формы отчуждения и те его формы, которые распространились в настоящее время (техническое отчуждение), взаимопроникая друг в друга, приводят к тому, что отчужденный человек теряет особенные для него характеристики субъекта. Вследствие этого процесс отчуждения перестает восприниматься человеком, поскольку он, как

пишет Харламов В.А., осознает себя только как носителя какой-либо одной социальной роли [33, 93]. Именно по этой причине можно говорить об отчуждении.

Проблемы личности человека, его персональности и человеческой сущности в XX веке становятся актуальными. Современное, «тотальное отчуждение» включает в себе процесс разрушения коммуникации с одной стороны, и процесс отчуждения как власти техники над человеком – с другой. По данной проблеме размышлял Ж. Бодрийяр. Современный человек, как считал мыслитель, не способен обеспечить границы своего бытия. Приватное теперь приобретает оттенок всеобщности, параллельно утрачивая возможности охраны и защиты. «Другой» исчезает и размывается самостоятельность. Иллюзорно снимается мучительность отчуждения [36, 133]. Сходные идеи выражал Г. Маркузе, считая, что понятие отчуждения оказывается сомнительным, если индивиды начинают отождествлять себя со способом бытия, навязываемым извне, в котором усматривают пути развития и удовлетворения. Это действительность, ведущая к новым ступеням отчуждения, где отчужденного человека поглощает форма отчужденного бытия [16, 15]. Подобная интеграция различных форм отчуждения в настоящее время требует рассмотрения некоторых из них. Здесь мы остановимся рассматривать историю и причины оформления проблематики отчуждения и перейдем к рассмотрению детальных концептов, созданных западноевропейскими мыслителями XX века.

1.2. Философская и культурологическая методология исследования отчуждения в современной западноевропейской мысли

Современная методология – сложное, многомерное явление. Степин В.С. пишет, что на переднем плане оказались «проблемы социокультурной обусловленности научного познания, анализ взаимодействия науки с другими феноменами человеческой культуры, исследование познавательных процедур в

связи с исторически меняющимися ценностями и мировоззренческими ориентациями» [26,126]. Стремительное развитие современной науки и появление новых идей увеличивает количество новых проблем. Все это заставляет исследователя сосредоточить внимание на самих основаниях науки, которая является не только познающей системой, но и самопознающей. Осуществляемая саморефлексия, как считают Балакирева Т.А. и Ромнах Н.И., видит своей задачей соотнесение полученных результатов как с целями исследования, так и с построением метода, при помощи которого эти данные были получены.

На фоне общих проблем методологии науки, культурологическая и философская методологии исследования отчуждения в современной западноевропейской мысли интересна рядом особенностей. Проблема отчуждения в культурно-философских науках формируется на стыке множества школ и направлений, имеющих собственные традиции в исследовании. На сегодняшний день не существует единого понимания отчуждения, теории и методологии. Есть только крупные культурологи и философы, занимающиеся исследованием темы отчуждения, при этом каждое отдельное направление обладает своим собственным взглядом, подходом, предметом. Характеристикой исследователей, работающих в рамках одной школы является то, что они обладают целостным методологическим комплексом, за которым обнаруживается цепочка конкретных теоретических представлений.

Общеизвестно, что сущность метода определяется его отношением к объекту исследования. Однако ни одна наука не способна непосредственно заниматься объектом своего исследования. В исследовании предмет выступает связующим звеном между наукой и объектом, он – некий коррелят первого и второго. Главная особенность предмета исследования в культурологии и философии – принципиальная неисчерпаемость для познания. Из-за этой особенности предмет подвергается множеству процедур с применением различных методов. Формирование научного методологического инструментария связано с конструированием предметной области науки.

Любой метод обуславливается своим предметом. Как способ исследования, метод изменяется вместе с предметом в своем содержании, он не остается неизменным и это очень важно, поскольку, только правильно выбрав метод, можно достичь достоверных результатов, а для этого он должен опираться на специфику предмета исследования. В. Гейзенберг писал, что во времена, когда природа являлась непосредственным предметом естествознания, научный метод, сводившийся к упорядочиванию, объяснению и изоляции развивал науку. Но когда к началу XX века предметом стало изучение взаимоотношения человека с природой как сеть, научный метод исчерпал себя [8, 304]. Как оказалось, действие метода изменяет предмет. Таким образом, метод не может быть оторван от предмета [11, 13-14].

Для обнаружения подходящего метода необходимо предельно ясно определить предмет исследования. Философия и культурология как комплексные науки имеют в исследовании особый многогранный предмет. Он не сводится ни к одной из форм деятельности человека, обладает специфическими чертами, являясь особым способом бытия и уровнем приспособления человека к миру, а также утверждением как самостоятельное и независимое бытие.

Внутри культурологии и философии различают множество разделов и подразделов. Например, философию культуры, историю культуры и т.д., которые в свою очередь включают в себя антропологию, психологию и другие науки. Каждая из дисциплин с различных сторон и с различных аспектов изучают проблему отчуждения. Они имеют собственные методологические наработки, подходы, теоретические установки относительно исследуемого феномена, которые зачастую противоречат друг другу. Ситуация противопоставления объясняется различной трактовкой понятия «отчуждение». Стоит отметить, что столкновения происходят как между направлениями, так и внутри них, порождая, таким образом, совершенно новые школы. Каждая из них обладает теоретической базой и собственными методологическими установками. Первоочередная задача, согласно Ионину Л.Г. состоит в том,

чтобы конкретно определить каждую отдельно взятую науку, однако, даже если мы в силах это представить, то осуществить вряд ли возможно. Попытки определения наук и разграничения сфер влияния заранее обречены на неудачу. В каждой из дисциплин предметы, объекты, методы, стратегии разнятся от исследователя к исследователю, от страны к стране. Научно, методологически или предметно их определить не представляется возможным [11, 13-14].

Например, в энциклопедическом словаре «Современная западная философия» понятие «отчуждение» (нем. *Entfremdung*, англ. *alienation*, фр. *aliénation*) означает негативный аспект реализации сущности человека, в процессе которого моменты и результаты деятельности человечества превращаются в абсурдную, внешнюю, враждебную силу по отношению к людям, в тенденции подчиняющую их [25, 167]. В социально-философской мысли XX века проблематика отчуждения встречается в немарксистских концепциях, в самых разных версиях философии техники и современной «культурной критики».

В «Новой философской энциклопедии» обозначается, что термин отчуждение используется не только в философии и культурологии, но и в психологии, социологии, праве, однако только в них исследуемая категория рассматривается в виде объективации качеств, отношений, деятельности человека, противостоящая как превосходящая ее сила и превращающаяся из субъекта в объект воздействия. Ученые XX века, представители философской антропологии, персонализма, экзистенциализма по-разному видят проблему отчуждения и ее решение [18].

В культурологии понятие «отчуждение» отражается, например, в социальной и культурной антропологии. Теоретики культуры отмечают эмпирический характер ее исследований. Но если в социальной антропологии наблюдается тенденция к использованию социологических схем и методов в исследовании отчуждения, то культурная антропология тяготеет к психологическим и историческим методам. Антропология чаще всего использует гуманитарные методы, но, тем не менее, она иногда применяет

естественнонаучную установку, что ни в коей мере не уменьшает ее цели и ценности в понимании отчуждения. Понимающий подход способствует определению культурной значимости и ценности.

Философия культуры, да и сама философия играют главную роль в вопросах аксиологической ориентации, позитивного и критического осмысления, понятийной проработке материала. Современная западноевропейская философия опирается на этические ценности, ищет истину. По этому поводу Гуссерль Э. писал, что это происходит в области нового рода практики, приобретающей характерные черты универсальной критики, уже развившихся в жизни человека целей, форм, систем культуры, а также критики самого человечества и ценностей, которые, так или иначе, руководят им [10, 38].

Сегодня западноевропейская философия конституирует и анализирует реальное положение дел, выработав систему мышления, позволяющую ориентировать человека на сохранение и развитие своего рода, на самоограничение и отказ от форм бытия, которые, вполне возможно, приведут к гибели. В рамках этого подхода, философия, культурология и их разделы направляют силы на изучение отчуждения для того, чтобы обезопаситься или преодолеть его [18]. Важно отметить, что большинство западноевропейских философов к такой возможности относятся скептически или вовсе дают отрицательный ответ. При этом главную задачу философии они видят в том, чтобы помочь человеку жить в отчужденном мире достойно. Из этого следует, что современные западноевропейские направления в философии и культурологии по отношению к проблеме отчуждения осуществляют методологические и аксиологические функции.

Таким образом, ставший довольно популярным в XX в. термин «отчуждение» нередко используется в широком и неопределенном смысле. Под ним может пониматься чувство оторванности от социальной среды и возникающее по этой причине недовольство у представителей современного общества, ощущение морального упадка, потеря контроля над собой,

безличность, бессилие перед дегуманизированными социальными институтами, организациями и т.д. Сюда же относится такое восприятие мира, в котором осознается утрата взаимных обязательств по соблюдению социальных предписаний, разрушенность институционализированной культуры, распад господствующей системы ценностей, утрата «Я», или отчуждение.

В современной науке определение «отчуждения» довольно расплывчато. В социальной философии чаще всего термин применяют в субъективном и психологическом смысле. Один из аспектов рассматриваемого феномена – «бессилие», понимают как чувство, выражающееся в неспособности воздействия человека на социальную среду. Другой аспект – «утрата смысла», относят к ощущению невозможности достижения целей. Человек может считать себя отстраненным от доминирующих ценностей и в этом случае исследователи говорят о его «изолированности». Что касается «самоустраненности», то здесь имеют в виду неспособность заняться психологически удовлетворяющей деятельностью. Неодинаковость и неравенство представителей секуляризованного общества, отсутствие объединяющей, глобальной цели, способной воодушевить, ведут к недовольству сложившимся порядком вещей.

Современные западноевропейская философская и культурологическая методологии исследования отчуждения рассматривают свой предмет и объект как комплексный феномен культуры человека в его происхождении, становлении и развитии. Не меньшее внимание уделяется исследованию понятия «отчуждение», но различные по стилистической и жанровой направленности культурологические и философские работы, старающиеся объять многоликость феномена отчуждения, дают широкое и неопределенное его истолкование.

2. ФОРМЫ ОТЧУЖДЕНИЯ

Отношение к отчуждению неоднозначное. Мыслители разделяются на тех, кто видит в отчуждении угрозу человечеству и культуре и на тех, кто думает иначе, отмечая плодотворное влияние. Вместе со своими спутниками и составляющими – скукой и отвращением, бегством и акедией – отчуждение принадлежит к чувствам, возникающим у человека при определенных условиях, чаще всего из-за конфликта между ним и обществом. Отталкиваясь от истории и понимания вышеназванных структур чувств (предельно изученными скандинавскими исследователями) в различные эпохи, попытаемся проследить, в чем проявляется, как ощущается и что становится возможной причиной отчуждения, особенно проявившейся новейшее время.

2.1. Скрытые формы проявления отчужденности (скука и отвращение)

Как экзистенциально-антропологический феномен отчуждение проявляется в различных вариациях одной и той же темы, которую можно определить как заброшенность или отрешенность. Э. Фромм описывал восприятие окружающей действительности его современниками как чуждое и враждебное. Связано это было с рутинизацией жизни и "вытеснением осознания основополагающих проблем человечества", повлекших за собой возникновение ощущения отстраненности от мира и самого себя [29, 168]. С этой точки зрения В.Беньямин отмечал, что подобной формы скука – экзистенциальная, родилась с появлением массовой культуры и культуры консьюмеризма [37, 80]. Таким образом, одна из причин отчуждения XX века, по мнению исследователей, заключалась в монотонности жизни.

Вопрос, связанный с феноменом скуки, в сегодняшней гуманитарной науке непростой. Это объясняется неоднозначностью, трудностью в понимании и сложностью в определении понятия.

Само слово «скука» имеет недостаточно ясную этимологию. В разных языках оно звучит по-разному, имеет разные основы и, на первый взгляд, кажется совершенно нетождественным другим словам со сходным значением. Так, английское *boredom*, немецкое *Langeweile*, датское *kedsomhet* означают одно и то же – скуку, хотя морфологическая разница между ними огромна.

История возникновения этого слова слишком трудна. Исследования Л. Сведсен показывают, что впервые употребление слова скука было зафиксировано не ранее, чем в XVI веке. Стоит отметить, что лексем, граничащие по смыслу со скукой, такие как латинское *acedia* (меланхолия или тоска), английское *spleen* появились раньше. С позиции философии скука интерпретируется в ее онтологическом и психологическом ракурсе [24, 33-34].

Скука, по М. Хайдеггеру предполагает отсутствие смысла. Действительно, XX век утратил жизненные ориентиры и доминировавшие ценности. В обществе возникли недостатки мировоззренческого плана. Все, что ранее создавалось веками и считалось нерушимым, не могло существовать в условиях новой эпохи. Предстояло найти новые непреложные истины, идеалы, критерии, а пока – скука охватила огромное пространство, а это значит, как видно из исследований ученых, посвященных прошлому веку, человечество утратило смысл жизни.

Бесмысленность существования у М. Хайдеггера двойственна. С одной стороны, человек оказывается одиноким и покинутым в мире, он не имеет сил, чтобы приняться за дело, стоит на месте, по этой причине испытывает муки совести и еще больше замыкается в себе. С другой стороны, человек пассивен и парализован в действиях, не проявляет своих способностей в сложившейся ситуации. Он хочет, может их применить, но проблема диктует свои правила, подчиняет, заставляет думать ни о чем ином, как о неразрешенном вопросе. М. Хайдеггер приводит пример с поездом, когда человек, ожидающий его, не в силах заняться более продуктивными делами, чем без конца смотреть на часы или изучать расписание поездов [30, 160]. Но здесь должна быть оговорка:

скука в этом случае вызвана не экзистенциальными причинами, а обыденными обстоятельствами, которые исчезают сразу же после их устранения.

За скукой в первом случае скорее стоит душевная боль, меланхолия, депрессия – состояния, неразрывно связанные между собой, однако не имеющие ничего общего. Исключением здесь будет противоречивое действие, оказываемое на человека и проявляющееся через оппозицию творчество – стагнация. История знает множество примеров благотворного влияния «темных чувств» на интеллектуальные способности. Ф. Ницше, Ш. Бодлер, О. Уайльд, видели в них источник вдохновения и творческого потенциала. М. Вебер, наоборот, не мог извлекать из скорби и страдания пользу. Всякий раз, когда его настигала депрессия, о чем он нередко упоминает в письмах к своей жене, ощущения опустошения и паники охватывали его. Единственный способ их избежать – усердный труд – так считал М. Вебер [35, 55].

Скука в первом, экзистенциальном случае может выступать «движущей силой» (Б. Рассел), которой оправдывают или объясняют поступки или бездействия. Ее тип и свойства описаны в новелле «Ленц». Г. Бюхнер пишет депрессивные строки: «большинство молятся от скуки, некоторые влюбляются от скуки, одни добродетельны, другие грешны, а я – абсолютное ничто, и я даже ничуть не боюсь, что однажды кто-то заберет мою жизнь, настолько она скучна» [43, 227-244].

Экзистенциальная скука выражается в примеривании масок и образов, иногда в сущности противоположных, варьирующихся от цинизма до самоуверенности, от неунывающего паяца до разочарованного в жизни романтика. Все они – неординарные личности, попеременно отказывающиеся играть ту или иную роль, скрывающие скуку за безучастностью, убивая время в своем доме, сознательно изолируя себя от повседневности, отказываясь, таким образом, от монотонности жизни, сопутствующих рутинных занятий и, в конце концов, скуки.

Вне стен дома экзистенциальная скука проявляется в спокойном, но пронизательном созерцании. Находясь среди толпы, живя среди нее, человек

остается одиноким и опустошенным. Он не принимает участия в жизни общества. Роль – та единственная нить, которая соединяет, дарит чувство единства с окружающими, но это единство ложное: внутри остается отчужденность. За внешней занятостью, активной деятельностью, стилизацией собственного «я» и демонстративностью скрывается душевная рана, следствие которой – отстраненность от масс.

Скука – пустота, ничто, преходящее настроение. Она повторяет главную тему отчуждения: потерю окружающего мира и смыслов. В работах ряда исследователей чувство скуки ассоциируется со списком слов, похожих на это состояние: «Апатия, безразличие, тоска, рутинность, замедленность, банальность, усталость, печаль, однообразие, одинаковость...» [58, 99]. Все они – сущность скуки, в XX веке превратившейся в культурный синдром и вобравшей под свое влияние все большее число людей.

Одним из важнейших культурных феноменов скука стала примерно два века назад. С точностью установить время его возникновения не представляется возможным, как и невозможно установить время появления первых приверженцев.

Ю. Фоссе критикует XX век за отчужденность его персонажей, затворников, не желающих обратиться вовне и оттого несчастных [46, 78]. В то время как улицы наполнены суетой и шумом, но, тем не менее, глядя на эту толпу и даже будучи среди нее человек не может освободиться от гнетущего чувства скуки.

«Скука? Я знаю, что это... Сидишь у окна, куришь сигарету, и вдруг накатывает чувство отвращения ко всему и к самому себе» – так Т. Манн описывает чувства героя в новелле «Паяц» [52, 166].

Итак, в одном ряду со скукой стоит отвращение. Мы приступаем к рассмотрению этого феномена, еще одной возможности отчуждения.

Как выяснилось ранее, слово «скука» в разных языках представлена вариациями расплывчатой этимологии. Философ Л. Свендсен выявила, что слово *ennui* во Франции и *noia* в Италии через *epojo* в Провансе обладают

общим корнем в латинском слове *inodiare*, что буквально обозначает «ненавидеть», «питать отвращение» [24, 34]. Данный факт говорит о лингвистической связи между скукой и отвращением, а не только как о связи чувств.

Традиционно отвращение рассматривается как реакция человеческой природы на окружающий мир и собственный организм. Разница между двумя составляющими отчуждения – скукой и отвращением состоит в способе восприятия. Отвращение имеет конкретную причину, скука – чувство неопределенное и смутное, не имеющее объекта. Скука – бессмысленность. Отвращение – сопротивление. Скука предполагает апатичное отношение к составляющим жизни. Отвращение – всегда действие, особого рода бегство, которое происходит как в душе, так и в реальной жизни человека от враждебного ему мира. Подобные ракурсы отчуждения как бунтарского отвращения представлены в романе Ж.-П. Сартра «Тошнота».

В произведении Ж.-П. Сартр принимается описать феномены сознания под одним символом – тошнота (метафорическое название книги намекает на силу отвращения). Все это для того, чтобы проанализировать такие экзистенциальные состояния мироощущений личности, среди которых скуке, одиночеству, отвращению отведены ведущие роли. «И я вялый, расслабленный, непристойный, переваривающий съеденный обед и прокручивающий мрачные мысли, – я тоже был лишним». «Я смутно думал о том, чтобы надо бы покончить с жизнью... Но смерть моя тоже была бы лишней» [22]. Так главный герой Антуан Рокантен повествует о все нарастающем чувстве неприятия собственного тела, составляющих окружающего мира и его целостности. Ощущения отвращения, конечно, проходили, но для того чтобы в скором времени проявиться в других ситуациях.

Отвращение, как уже упоминалось, связано с конкретным объектом. Вещи отторгаются человеком, будь то высокой эстетической ценности, вызывающие восхищение или действительно безобразные. У. Й. Миллер в «Анатомии отвращения» пишет о том, что отвращение – «сильный, внезапно

проявляющийся приступ неприязни и брезгливости, захватывающий все органы чувств. Обычно так организм реагирует на нечто разложившееся, протухшее, вязкое или слизистое» [35, 132]. Освободиться от этого чувства сложно: порой, как отмечают психоаналитики, безобразность может быть интересной. Так, в отдельные периоды истории выдающиеся личности задавали мрачные тона, начинали воспевать красоту упадка в разговоре с самим собой и с миром. Ответить на вопрос, зачем они этим занимались, и почему в их сердцах разыгрывалось такое влечение ко всему эфемерно-темному непросто. Ответ, пожалуй, в том, что все люди накапливают колоссальное количество самых различных экзистенциальных опытов – от прогулки ночами по безлюдному городу до жизненных испытаний, особенно тонко и глубоко переживаемых так, что это бывает болезненным.

Художественная культура в любую эпоху отражала характерные тенденции развития социальной и духовной сферы общества. Духовная жизнь сказалась на различных ее гранях, проявилась в содержании произведений и поведении отдельных ее представителей, в особенностях функционирования общества, в сознании людей – массовом и духовном. Совершенно естественно отсюда воспринимаются различные формы взаимосвязи, открывающиеся при рассмотрении проблемы отчуждения и проблем художественной культуры XX века.

В эру засилья психоанализа неотъемлемой частью обыденной жизни человека стало стремление выговориться, тем более, как мы уже отметили, если негативные эмоции действительно могут послужить во благо. Когда какая-либо эмоция конвертируется в творчество – это всегда успех, особенно сегодня, ведь за такой сплит создатель получает от публики немалые деньги. Жуткие и завораживающие, влекущие за собой образы в искусстве манят и заставляют всматриваться в них.

Но что это? Можно ли считать, что отвращение и вытекающее из него отчуждение – противоположность тем качествам, которые в современном обществе, казалось бы, должны присутствовать: филантропия и пр.

А. Рокантена завораживают ненавистные ему образы, заставляют подолгу смотреть на них, размышлять над их предназначением, при том, что размежевание между ним и окружающим все нарастает.

Рокантен видит, казалось бы, обычный, ничем не примечательный предмет, о сущности которого мы в повседневности не задумываемся и принимаем как факт его наличие или же игнорируем. Но для него это не просто часть объектного мира, а то, что вызывает смятение и очередной приступ тошноты, давит на него и выводит из себя, погружая в состояние отчужденности, заставляя бунтовать. Все этими симптомами заканчиваются добровольным замыканием в пространстве. Последнее похоже на встречу с пустотой: все кажется абсурдным, невнятным, нелепым и мерзким. Отвращение к себе, таким образом, одна из форм самого отвращения. Причины бывают разные, по большей части те же, что вызывают скуку, например, монотонность или пресыщение.

Ощущение одиночества, когда человек находится в замкнутом пространстве, роднит его с чувством отчуждения. Будучи в отчуждении, в изолированном помещении, его может охватить приступ ужаса или отвращения, только потому, что какой-то предмет в доме показался опасным или ужасным. Заканчивается это тем, что человек сидит в комнате, потупив взгляд или устремив его в пустоту. Так было и с А. Рокантеном.

Отчуждение обычно возникает в случае разрыва между сущностью и существованием, неудовлетворенностью сложившимися обстоятельствами и многочисленными несоответствиями между ожидаемым и реальным [20, 68-77]. Человек теряется в мире, утрачивает связь с природными и общественными элементами, с основами, создающими возможность для нормального существования.

Такая утрата может быть связана с определенной средой обитания, возникнуть в результате саморефлексии, которая, по словам С. Рубинштейна, приводит к парадоксальным исходам: либо к душевной опустошенности,

упадку ценностей и моральному разложению, либо к сознательному построению нравственного облика.

«Упадок универсальных ценностей» – причина особого человеческого переживания, называемого «экзистенциальным вакуумом» [28, 295]. Возникает ощущение неопределенности, скуки и апатии. Как результат – человек остается наедине с собой.

К. Уилсон видит сознательное отчуждение не конечной точкой, а исходным этапом, началом борьбы за порождающие отчуждение условия жизни, в которых живет современный человек. Выстраивая систему взаимоотношений с окружающим миром, он преодолевает мешающие благополучному существованию негативные факторы [62, 288].

Отвращение, таким образом, отражает главную тему отчуждения: потерю окружающего мира, против которого, нередко, был направлен бунт. Его привлекательность была связана с тем, что он давал надежду изменить реальность. Но даже бунтующего человека нельзя не назвать одиноким или отчужденным. Он «ведет вегетативное существование, сравнимое со смертью» [12, 314]. Отвращение (среди симптомов часто встречаются неприязнь, брезгливость, ненависть) оправдывало этот бунт и его крайние формы выражения.

А. Камю говорит, что внешние жизненные обстоятельства поселили в нем отчуждение. Он прав в своем утверждении что «первое движение ума, скованного отчужденностью, заключается в том, что он разделяет эту отчужденность со всеми людьми и зовет всех к бунту» [12, 45]. Однако А. Камю не учитывает возможности и способности каждого индивида адекватно усваивать смысл отчуждения. История показывает, как отношения отчуждения толкают человека к кажущемуся обособлению. Это иллюзорное чувство ведет личность к самоизоляции и социальной апатии. И тогда «бунтующий человек» становится лишь теоретической иллюзией.

2.2. Явные формы проявления отчуждения (бегство и акедия)

Бегство или fuga (от лат. fuga – бегство) – распространенное явление в европейском обществе с начала XX века, характеризующееся стремлением к внезапным путешествиям, переездам. Понятие фуги, сопряженные с ним понятия «странничество», «скиталец», «уход», «бегство», «дорога», культурные явления, которыми обозначается и история их художественно-философской рефлексии – широкая тема для исследования. Большая разрозненность исследований философско-эстетической, культурологической, исторической и литературоведческой направленности не предоставляют возможности выявить его смысловой потенциал понятия, сформировать целостное представление. Мы же постараемся рассмотреть бегство с наиболее исчерпывающей теоретической и исторической полнотой насколько это возможно в рамках данного параграфа, опираясь на предоставляемую современными науками о культуре источниковедческую базу.

Как отмечают исследователи, рассказы об импульсивной фуге и подверженных ей были излюбленными и одновременно пугающими для европейцев XX века, поскольку добропорядочному гражданину следовало обладать постоянством и ответственностью [35, 181]. Беглецы провоцировали общество, заражали других представителей общества мечтами о побеге. В этой связи появляются два социальных явления: туризм и бродяжничество. Но если первый – способ получения новых впечатлений и форма отдыха, то второй – полностью асоциальный. Между ними колебались европейцы, поскольку их отношение к сложившейся ситуации имело двойной полюс, на котором, с одной стороны, находилось стремление жить рационально и эффективно, согласно требованиям, а с другой – желание освободиться от них, уезжая в другие культуры. Бегство выступало и выступает символом свободы безопасности социальной деградации, логическим завершением которой является возвращение домой. Бегство наполнено экзистенциальным смыслом, символизируя освобождение, отчужденность, преодоление пустоты [63, 243].

В медицинских изданиях разных периодов времени данная проблема предельно освещена. Существует множество названий, используемых специалистами, которые свидетельствуют о частотности феномена. Среди них: «инстинкт бродяжничества» или «мания бродяжничества». Эквивалентны перечисленным словосочетаниям следующие названия: аподемиалгия [2], дромомания [4], пориомания [3] и др. Фугу определяют как одержимость путешествиями, как болезненное желание посетить чужие страны, как непреодолимую тягу к бродяжничеству. Другое наименование – диссоциативная фуга. Это расстройство, при котором человек отправляется в новые места и, при этом, имеет возможность сформировать себя как новую личность, забыв о своем прошлом. Тяга к странствиям объясняется скрытым желанием освободиться от внутреннего дискомфорта, социальных и других проблем [5].

Подобного рода бродяжничество непосредственно связано с отчуждением. Человек нигде не чувствует себя как дома, ощущает себя полноценно, только находясь в странствиях, ощущая жизнь вдали от привычного общества, будучи отчужденным от него. Таким образом, отъезд без определенной цели и плана – не что иное, как одна из широко распространенных типичных форм отчуждения.

С конца XIX века проблема бегства оказалась широко освещена в научных изданиях. Судя по множеству названий феномена, он был хорошо известен среди специалистов [38, 221-223]. Среди них встречаются романтическое «инстинкт бродяжничества» и медицинское «амбулаторный автоматизм». Наряду со словом «фуга» до середины XX века в шведских учебниках встречался ряд других наименований, например, аподемиалгия [2], драпетомания [5], уже упомянутая мания бродяжничества [3], пориомания [4] для обозначения болезненного желания посетить чужие страны или одержимой тяги к странствиям. В современной шведской классификации болезней есть другой термин «диссоциативная фуга», при котором бегство длится несколько дней или месяцев и сопровождается амнезией. Но, надо отметить, во всех

остальных отношениях человек выглядит здоровым. Бегство в этом случае объясняется стремлением человека освободиться от гнетущей ситуации [40, 221-223].

Б. Чатвин во второй половине XX века описал поведение скитальца, одержимого схожим желанием к путешествиям, влечением к перемене мест. Он досконально изучает карту, буквально коллекционирует страны, мечтает расширить территории дальше и дальше, хотя в силу идеалистической природы не достигает цели [41, 300]. Ключевыми для представителя современного общества стали понятие «движения», «мобильности», «перемещения».

Такого рода бродяжничество непосредственно связано со скукой и отвращением. Старобинский Ж. отмечает, что в XVII-XVIII веках среди аристократов были распространены поездки в Европу как с образовательной целью, так и с целью избавления от скуки и надоевшей обстановки [41, 295].

Болезнь духа вызывает желание путешествовать. Внутреннее беспокойство, а с ним и бегство были не редкими явлениями в предсказуемом мире. Главный герой новеллы «Смерть в Венеции» Т. Манна Густав фон Ашенбах яркий тому пример. Он бежит от циничности буржуазного общества в поисках Красоты, которая бы подарила ему новые смыслы в жизни.

Символом современной культуры стало понимание путешествия как мечты о свободе и бегстве. Следует отметить, что в реальности грань между действием навязанным и свободным оказалась зыбка. Фуга – выход из ситуации дискомфорта. Проявление воли к независимости, свободе, бунту против существования – значит устремиться и убежать, оставив все в прошлом. Для поколения писателей художественной литературы, родившихся в первой половине XX века, тема путешествий, бегства, а с ними отчуждения, становится ведущей не только в западноевропейском обществе, но и во всем мире (Дж. Керуак, Р. Бротиган) по сравнению со столетиями ранее. Здесь достаточно вспомнить г-жу Бовари Г. Флобера с ее «Уезжаю!», Нору Г. Ибсена.

Культуролог Сботова С.В. и лингвист Меньшикова Е.Е. сходятся во мнении, что путешествие является одной из значимых культурных

универсалий, которая семантически связана с представлениями о духовной динамике личности, ее изменении и развитии, расширении осознания. Путешествие символизирует тоску, отчуждение, поиски своего места в жизни [23, 59]. Ретроспектируя профаническое свойство жизни, путешествие и его начало семантически соотносится с душевным разладом, беспомощностью. Путешествие выступает в виде замкнутого бесконечного круговращения, безысходности [17, 185-186].

Бегство, отъезд без цели и плана – одна из наиболее типичных форм проявления отчуждения, которую западные исследователи (К. Юханнисон, Л. Свендсен) связывают с уже проанализированными нами скукой и отвращением, а также с акедией или сплином, которую только предстоит рассмотреть. Чаще всего она определяется как побег, беспокойное блуждание из одной точки в другую во избежание депрессии.

Здесь мы завершаем часть о фуге и приступаем к рассмотрению акедии, как одного из аспектов отчуждения.

Акедия (*acedia*) или уныние – состояние, сопровождающееся чувством потери, которое возникает вследствие высвобождения ментальной энергии и характеризуется ощущениями внутренней пустоты и безразличия. В средневековой Европе слово «акедия» было широко распространено, затем забылось и появилось вновь только в XX веке. Тогда его применяли к работникам интеллектуальной сферы. Финский философ Рольф Лагерборг описывает состояние акедии как психическое выгорание, отчужденность. Для человека характерно отсутствие мыслей, чувств, воли. Все окружающее кажется ему далеким и чуждым [48, 87-88].

Стоит отдельно отметить, что уже античные греки выделяли чувство уныния, обозначая его словом *akedia* – «безразличие». Человек существовал как еремиты, которые, хотя и образовывали колонии в пустыне, но имели каждый свою келью, находясь в полном одиночестве. Идея еремитов – смирение тела и души, цель – ограничение в мирских благах. В условиях пустыни их проще всего достичь. Однако среди прочих испытаний выделяется одно – искушение

полуденным бесом, который нападал на самых верных и преданных слуг Бога и пробуждал сомнения в правильности выбора [35, 77]. Именно поэтому уныние считалось греховным.

Акедия по симптомам похожа на печаль. Для нее характерна подавленность, тоска, безутешность, отвращение к себе и окружающим, вялость. Акедию считали одним из самых мучительных состояний. Человек иссушен и опустошен, он изводит себя. Во избежание этого монахам рекомендовалось не выходить из кельи, читать молитвы, петь псалмы, заучивать библейские тексты [1].

Постепенно акедия как один из аспектов отчуждения перекочевала в западноевропейские монастыри. Теперь акедия проявлялась как отвращение к жизни в вере. Монаха одолевала ненависть к месту обитания. Мрачность и отчаяние также сопровождали его. Как отмечают, даже находясь в одиночестве, человек испытывает отвращение ко всему, что окружает. Скука и любого рода порыв, не относящийся к стремлению к Богу, карался. Впасть в уныние в таких условиях было просто. Это значило отойти от выполнения духовного долга. Уныние – смертный грех, но, как и каждому смертному греху, ему можно противостоять. Терпение, воля и душевный порыв – три составляющие, с помощью которых можно побороть акедию [1].

Понятие «смертный грех» покинуло монастыри и вошло в широкие массы для оценки нравственности. Акедия с течением времени превратилась в тривиальное состояние, перестала мыслиться как философская категория, характерная только для жизни отшельников и монахов. Ее границы начали распространяться на мирян. Возможно, благодаря популяризации, акедию перестали относить к самостоятельным эмоциональным категориям. Понятие смертного греха после Реформации перестало занимать ведущее место. Церковь утратила право на толкование ощущений. В случае, когда грехи получали статус феномена повседневности, акедия воспринималась чуждой остальным слабостям.

В XVI веке акедия разделилась на психическую (ощущение отчужденности) и социальную (вялость, леность) линии. Последняя попала в рамки протестантской этики, которая сурово наказывалась [35, 83].

Акедия как вариант отчуждения с трудом поддается точному определению, поскольку имеет несколько своеобразных «уровней». Ощущение подавленности рождает скуку и проявляется леностью и вялостью. Акедия – ощущение пустоты. Ее признаками являются отвращение к месту, пассивность или, наоборот, желание бежать, забыв о прежней жизни [35, 83].

В секуляризованном мире акедия стала свойственна мыслящей элите. Причины кроются в особенности архитектурного замысла, согласно которому комнаты должны быть изолированы. Хроническое перенапряжение лишь обостряло чувство уныния [39, 300-330]. Врачи анализировали симптомы, выделяли группы риска, составляли и переиздавали справочники [48, 176-178]. Но ощущения людей, кто по роду деятельности связан с наукой и творчеством отличаются от тех, которые испытывали монахи, находящиеся в акедии. В XIX веке психиатры создали новую систему категорий, где акедия сопровождала переутомившихся гениев, но никак не глубоко отчужденных [35, 84].

XX век принес новый синдром – синдром ментальной усталости, который позже превратился в феномен современной культуры. Акедией стали называть состояние, свойственное элитам, в особенности писателям. Для Хаксли О., Элиота Т.С. и Экелунда В. акедия была предметом интереса. Лагерборг Р. составил подробное описание исследуемого нами феномена. После Первой мировой войны он приобрел актуальность. Поколение интеллектуалов приступили к обсуждению экзистенциальных тем. Кроме того, жизнь Лагерборга Р. также состояла в поиске ответов на вопросы бытия [48, 9].

Лагерборг Р. пишет, что акедия чаще свойственна тем людям, которые долгое время находятся в затворничестве, размышляя на научные темы. Чувство, похожее на отвращение, завладевает человеком, все вызывает тошноту [48, 87-88]. Ощущение настолько сильно, что обязательно нуждается в разрешении. Лагерборг Р. описывает, как постепенно увеличивается внутреннее

напряжение. Оно заставляет человека спонтанно бежать, не имея цели и плана. В бегстве кроется спасение. Отсутствие возможности побега ведет к потере самоконтроля и срыву. Акедия будто бы тянет человека. Облегчить существование человек может только за счет новых поездок, впечатлений, прогулок [48, 87-88].

Итак, акедии свойственно отчаяние от беспомощности, безнадежности и безразличия. Временами подобное состояние человек преодолевает в неожиданных поездках, похожих на бегство.

Подобные проявления акедии связаны с болезнью. Через несколько десятилетий понятие превратилось в медицинский термин. Гранит Р. в 1941 году определит акедию как нарушение восприятия, указывая на ее связь с перегоранием, столь свойственной исследователям [42, 84-85]. Он пишет, что акедия начинается с обычного неудовлетворения плодами собственной работы, а заканчивается пресыщенностью жизнью, которое ведет к смерти.

Он так же дает рекомендации по преодолению акедии. Единственное спасение состоит в том, чтобы сменить вид деятельности на менее энергозатратный, требующий меньшего внимания и сосредоточения. Он также полагает, что только свобода может быть целительной, но лишь в том случае, когда она не связана с отчуждением и человек не утратил способность к ощущению свободы [42, 86].

В 1980-е годы Лагерборг более жестко определяет акедию. Он полагает, что тот, кто слишком перенапрягается, рискует пересытиться и оторваться от общества и самого себя. Особенно это относится к членам научно-исследовательских институтов с их драконовскими условиями [49, 53].

Шестранд В. причины акедии видит в выходе ментальной энергии [57, 34-41]. Он подчеркивает, что этой теме отводилось гораздо меньшее внимание, чем перенапряжению. Неприятие окружающего мира, отчаяние, усталость, отвращение к самому себе и своим трудам, отчужденность и самоизоляцию он относит к симптомам акедии.

Ч. Дарвин считает, что интеллектуальная изоляция – расплата исследователя за свои знания. Он концентрируется на предмете своего интереса, теряя способность наслаждаться искусством или беседами, тем, что находится за пределами внутреннего мира. Сознание ученого схоже с механизмом, который выводит закономерности из фактов, при этом страдает другая часть мозга, отвечающая за восприятие [35, 55].

В современном понимании, акедия – скорее не состояние, а процесс, результат дисбаланса между ожидаемым и достигнутым. Гендерная, классовая, этническая, национальная принадлежность играют здесь не последнюю роль. Если человек лишен культурного и социального капитала, то он вынужден работать вдвое лучше и сильнее ради достижения признания. При этом его постоянно преследует страх остаться не у дел. Человек, пытаясь избавиться от неполноценности, уходит в науку, поскольку только в этой области он конкурентоспособен. Однако он изолируется от социальной среды, где и признаются достижения. Не получая ожидаемых признаний, столкнувшись с непониманием и враждебностью со стороны коллег, он замыкается в себе. Генетик Барбара Макклиток – яркий тому пример. Она выбрала добровольный путь отчужденности, изолировав себя от общества и продолжив работать над экспериментами, которые принесли Нобелевскую премию [47, 272].

Все сказанное об акедии можно представить в виде процесса, когда плохое настроение ведет к отращению к работе, сменяемое чувством пустоты, которое имеет различные проявления. В академической среде значима классовая и гендерная принадлежность. Акедия – переполненность пустотой, состояние которой имеет различные вариации от полного бездействия или, наоборот, характеризоваться суетливой деятельностью. Активность возникает тогда, когда человек пытается убедить себя и окружающих в своей успешности. Как отмечает Дороти Сайерс, человеку некогда скучать, когда он занят [56, 84-85]. Акедия может вызвать ощущение отчужденности, апатии или, наоборот, заставить действовать [35, 92].

3. ПРОБЛЕМАТИКА ОТЧУЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ НАУКЕ

3.1. Эмпирические исследования и интерпретация феномена отчужденности в современном западноевропейском обществе

Исследовав проблему отчуждения в философской и культурологической литературе, рассмотрев методологию исследования отчуждения в современной западноевропейской мысли, а также выявив сущность, содержание и структуру исследуемого феномена, мы посчитали необходимым провести исследование, целью которого стало выявление степени отчужденности личности и уровня самоотношения в современном западноевропейском социуме. Политические, экономические, социальные, правовые изменения в Западной Европе влияют на внутренний мир человека и его отношения в обществе. В таких условиях актуализируются проблемы социальной изолированности, разрыва, отчужденности, человек ощущает дисгармонию по отношению к себе и к окружающим.

Основная гипотеза: отчуждение молодых людей в возрасте 20-35 лет детерминировано социально-культурными, социально-психологическими и индивидуальными факторами.

К социально-культурным факторам мы отнесли отчуждение в результате изменений, вызванных кризисными явлениями в политической, экономической, социальной, культурной и иных сферах, к социально-психологическому фактору – недостаточно высокий уровень оценки группой испытуемого, а к индивидуальному фактору – низкий уровень отношения к себе как личности.

Методологической основой данного исследования является принцип детерминизма, с помощью которого мы выявили причинно-следственные связи отчуждения. Рассматривая компоненты отчуждения в их взаимообусловленности и взаимосвязи, мы применили системный подход. Синергетический подход позволяет рассматривать процессы социального

взаимодействия испытуемых с точки зрения неравновесных состояний, неравномерности и нелинейности. С позиции ситуационного подхода мы рассматривали отчуждение человека как результат влияния совокупности социо-культурных факторов, обуславливающих межличностное и личностное отчуждение.

Объектом эмпирического исследования стали жители Западной Европы: Франции, Германии, Австрии, Венгрии, Италии, Швеции, Дании, Финляндии, Чехии, Польши. Выборку исследования составили 200 молодых людей (55 женщин и 45 мужчин) из перечисленных стран в возрасте от 20 до 35 лет.

Социально-демографические характеристики опрошенных распределились следующим образом: женщин – 58%, мужчин – 42%; возраст: 20-25 лет – 41%, 25-30 лет – 38,5%, 30-35 лет – 20,5%; страны: Франция – 10%, Германия – 10%, Австрия – 10%, Венгрии – 10%, Италия – 10%, Швеция – 10%, Дания – 10%, Финляндия – 10%, Чехия – 10%, Польша – 10%.

Число участников представлено в таблице №1, где по вертикали обозначен возраст, по горизонтали – страны.

Таблица №1
Характеристики участников опроса

	Фран- ция	Герма- ния	Австрия	Венгрия	Италия	Швеция	Дания	Финлян- дия	Чехия	Польша
20- 25	9	8	6	7	10	9	8	5	13	7
25- 30	7	8	9	5	5	8	10	12	5	8
30- 35	4	4	5	8	5	3	2	3	2	5

Теоретическая значимость результатов проведенного исследования заключается в том, что нами были расширены представления об отчуждении как феномене западноевропейского общества.

Практическая значимость проделанной работы состоит в возможности использования результатов в дальнейших, более комплексных исследованиях отчуждения, оказания помощи по преодолению отчуждения. Полученные

результаты исследования и разработки могут быть использованы в научно-методической, социологической, психологической практике.

Достоверность результатов исследования основывается на соответствии поставленной проблеме и предмету методологии и методов исследования, рассмотрением объекта как на теоретическом, так и на практическом уровнях. Исследование подтверждается эмпирическими данными, обладающими статистической значимостью, которые были обработаны с помощью программы Statistica 6.0.

Для изучения типов отчуждения, характерных для западноевропейского общества, была применена экспресс-диагностика субъективного ощущения одиночества (Д. Рассел, М. Фергюссон), состоящая из 20 вопросов [55, 23].

Представленные ниже тест на выявление степени социальной изоляции основан на методе субъективного самоотчета, при котором опрашиваемые выражают степень частотности относительно предложенных вопросов. Вариант анкеты на английском языке представлен в Приложении 1.

ШКАЛА СУБЪЕКТИВНОГО ОЩУЩЕНИЯ ОДИНОЧЕСТВА (Д. РАССЕЛ, Л. ПЕПЛО, М. ФЕРГЮССОН)

ИНСТРУКЦИЯ: Укажите, как часто каждое из представленных ниже утверждений характеризует Вас. «Ч» обозначает «Часто», «И» обозначает «Иногда», «Р» обозначает «Редко», «Н» обозначает «Никогда».

Возраст _____

Пол _____

Страна _____

1. Я несчастлив, делая столько всего в одиночку	Ч И Р Н
2. Мне не с кем поговорить	Ч И Р Н
3. Для меня невыносимо быть таким одиноким	Ч И Р Н
4. Мне не хватает общения	Ч И Р Н
5. Я чувствую, будто никто не понимает меня	Ч И Р Н

6. Я застаю себя в ожидании, что люди позвонят или напишут	Ч И Р Н
7. Нет никого, к кому я мог бы обратиться	Ч И Р Н
8. Я ни с кем не близок	Ч И Р Н
9. Те, кто меня окружают, не разделяют мои интересы и мысли	Ч И Р Н
10. Я чувствую себя обделенным	Ч И Р Н
11. Я чувствую себя совершенно одиноким	Ч И Р Н
12. Я не умею раскрепощаться и общаться с теми, кто меня
окружает	Ч И Р Н
Ч И Р Н
13. Мои социальные отношения поверхностны	Ч И Р Н
14. Я умираю от тоски по компании	Ч И Р Н
15. Никто не знает меня как следует	Ч И Р Н
16. Я чувствую себя изолированным от других	Ч И Р Н
17. Я несчастен, будучи таким отверженным	Ч И Р Н
18. Для меня очень сложно заводить знакомство	Ч И Р Н
19. Я чувствую себя закрытым и исключенным другими	Ч И Р Н
20. Люди вокруг меня, но не со мной	Ч И Р Н

Дата _____

Вышеприведенный опрос предназначен для измерения субъективного ощущения одиночества, а также чувства социальной изоляции, отчужденности. Опрашиваемые должны напротив каждого из вопросов отметить наиболее подходящий для них вариант с точки зрения частоты их проявления. Букве «О» (от англ. often – часто) соответствует вариант ответа «я часто чувствую себя таким образом». Буквой «S» (от англ. seldom – иногда) обозначен ответ «иногда я чувствую себя таким образом», «К» (от англ. – редко) – «я редко чувствую себя таким образом», «N» (от англ. never – никогда) – «я никогда не чувствую себя таким образом». Каждой букве соответствует определенное количество баллов: О = 3 балла, S = 2 баллам, R = 1 баллу, N = 0 баллов. Далее подсчитывается их общее количество. Оценка уровня отчуждения производится по шкале, интервалы которой распределены следующим образом:

«низкий» – от 0 до 20; «средний» – от 21 до 40; и «высокий» – от 41 до 60. Чем выше результат, тем сильнее ощущение одиночества и социальная изоляция.

Результаты опроса мы высчитывали по таким критериям, как: степень ощущения изоляции у женщин и мужчин, а так же в зависимости от возраста и географического положения.

Результаты опроса показали, что: из 58% женщин 14,5% испытывают низкую степень изоляции, 15,5% – среднюю и 28% – высокую. Из 42% мужчин 18% испытывают низкое ощущение одиночества, 11% – среднее, 13% – высокое.

Таблица №2
Результаты опроса (гендерные особенности)

	Женщины	Мужчины
низкая	14,5%	18%
средняя	15,5%	11%
высокая	28%	14%

В возрасте от 20 до 25 лет низкую изоляцию ощущают – 12%, среднюю – 18,5%, высокую – 10,5%; от 25 до 30 лет низкую степень – 8,5%, среднюю – 17,5%, высокую – 12,5%. Опрашиваемые в возрасте от 30 до 35 лет имеют низкую степень отчужденности – 6%, среднюю – 6,5%, высокую – 8%.

Таблица №3
Результаты опроса (возрастные особенности)

	20-25 лет	25-30 лет	30-35 лет
низкая	12%	8,5%	6%
средняя	18,5%	17,5%	6,5%
высокая	10,5%	12,5%	8%

Результаты опроса по странам распределились следующим образом: низкая степень – 32,5%, средняя – 26,5%, высокая – 42%. Из них низкая степень отчужденности во Франции – 3%, Германии – 2%, Австрии – 3%, Венгрии – 3%, Италии – 5%, Швеции – 2%, Дании – 2%, Финляндии – 4%, Чехии – 4%, Польше – 4,5%. Средняя степень во Франции – 2%, Германии – 2%, Австрии – 2%, Венгрии – 3%, Италии – 3,5%, Швеции – 3%, Дании – 4%, Финляндии – 4%, Чехии – 1%, Польше – 2%. Высокая степень во Франции – 4%, Германии –

4%, Австрии – 3%, Венгрии – 4%, Италии – 4%, Швеции – 5%, Дании – 6%, Финляндии – 4%, Чехии – 4%, Польше – 4%.

Таблица №4
Результаты опроса (географические особенности), %

	Фран- ция	Герма- ния	Австрия	Вен- грия	Италия	Швеци я	Дания	Финлян- дия	Чехия	Поль- ша
низкая	3	2	3	3	5	2	2	4	4	4,5
средняя	2	2	2	3	3,5	3	4	4	1	2
высокая	4	4	3	4	4	5	6	4	4	4

Опрос проводился с конца 2015 по начало 2016 года. Этот период характеризуется продолжительными резкими изменениями в политической, экономической, социально-правовой сфере, оказывавшими влияние на человека и человечество. В таких условиях актуализируются проблемы социальной изолированности, разрыва, отчужденности, человек ощущает дисгармонию по отношению к себе и к окружающим.

По результатам анкетного опроса можно говорить о том, что женщины сильнее ощущают отчуждение, чем мужчины (см. таблицу №2), с возрастом ощущение изолированности возрастает и к 30-35 годам спадает (см. таблицу №3), а в Скандинавских странах наблюдается самая высокая степень отчужденности (см. таблицу №4).

3.2. Теоретические прогнозы: перспективы преодоления отчуждения

Изменения, происходившие на рубеже XX-XXI веков, обусловили возникновение глобальных вопросов социального и экзистенциального характера. Таковыми являются проблема экологии, демографический кризис, угроза ядерной войны, терроризм и др. Другой, менее громкой, но не менее важной проблемой является проблема отчуждения человека.

Обычно под отчуждением понимают отсутствие доверия или близости. Понятие «отчуждение» как философская категория, научно разрабатывалось Г.

Гегелем. Исключительно социально-философский аспект проблемы проявился позже в марксизме, прежде всего как вещная, предметная оторванность субъекта от результатов его жизнедеятельности. Г. Гегель утверждал, что отчуждение – результат противоположностей, существующих в нашем бытии, преодолеть который возможно лишь сняв противоречия в мышлении. Понятие «предметности» у К. Маркса и Г. Гегеля противоположны и несравнимы. У первого – это противоположные социальные условия, у последнего – это осознанная мысль, объективированный дух. К. Маркс рассматривает проблему в рамках материалистической социологии и политэкономии, Г. Гегель – в объективно идеалистической философии.

Отчуждение с позиции современной философии и антропологии – объективный процесс в социуме, порожденный таким типом социальных взаимоотношений, при которых происходит подмена человеческих отношений отношениями между вещами. Отчуждение проявляется в том, что субъект превращается в объект манипуляции, овеществленный труд становится господствующим над человеческим, заметно отсутствие контроля со стороны производителя над результатами труда.

Вильданова Г. Б., Муслимова Л. Ф., Вильданов Х. С., выделяют следующие формы современного отчуждения:

- отчуждение деятельности;
- отчуждение условий деятельности от деятельности;
- отчуждение результатов деятельности от субъекта деятельности;
- отчуждение теории от практики;
- отчуждение социальных структур, институтов от трудящихся;
- самоотчуждение [6, 15].

Последняя форма – наиболее распространена и опасна для существования современной цивилизации. Человек оказывается незнакомым самому себе: он не знает собственных сил, возможностей. Он отождествляется со своими поверхностными, внешними аспектами, с телом, ментальными и духовными

переживаниями. Человек мыслит себя как «Я-эго». В буддизме такое мышление называется ошибочным самоотождествлением с ощущениями, возникающими посредством органов чувств. Психологи также отмечают, что современный человек потерял контакт с собой.

Решение проблемы отчуждения затрагивает как гносеологические, так и морально-этические аспекты. В истории религиозно-философских учений всегда были философы и мудрецы, коренным образом изменявшие объект и предмет философского исследования, обращая внимание, таким образом, на самого исследователя. Это те, кто пытался преодолеть отчуждение. Одним это удавалось, другим нет: Сократ, Диоген, Сидхартха Гаутама, Иисус Христос, Мартин Лютер, Людвиг Фейербах и др.

М. Хайдеггер видит главную причину отчуждения в том, что человек ведёт себя как «господин сущего», а не как «пастырь бытия» [31, 253]. Согласно М. Хайдеггеру, сейчас есть тенденция, при которой чем реальнее становится создаваемый человеком мир, тем менее действительным становится сам человек. Человек растворяется в мире. Он опускается до материальных, вещно-товарных отношений, при этом общественные отношения господствуют над ним [32, 49].

Человек, будучи рабом своего отчужденного мышления, рабом вещей, других людей, обстоятельств теряет себя, интерес к жизни, детскость, естественность и спонтанность. Современное общество продолжает развиваться и естественное желание, что сопровождает этот процесс – желание взять под контроль темпы и векторы своего развития. Человеческое отчуждение же является оборотной стороной медали данного процесса, отражая его гуманность, контролируемость. Это, конечно, глобальный феномен, но пути его решения находятся лишь внутри самого человека и его самосознании [32, 49].

В философии отчуждение преодолевается не на уровне истинной человеческой природы, а на ментально-духовном уровне. Экзистенциально не пережитая самим человеком, чужая истина не может претендовать на становление примером для подражания, образцом. Истину достигают те, кто

решатся нарушить классическое мышление и пойти своим путем, поскольку следуя образцам классики, человек обрекает себя на неудачу.

Столкнувшись с фактом не принадлежности к стандартам, человек испытывает дискомфорт, страх, ощущает неполноценность и одиночество в мире, при том, что является частью целого мира. Он бессознательно окружает себя критериями истины, эталонами.

Конечно, можно продолжать гонку за идеалами, но в этой погоне человек следует по правилам дуального мышления. Он пытается изменить свою сущность, свою внешнюю оболочку, но поступая так, еще больше загоняет себя в рамки обусловленности. Как результат – неудовлетворенность. Снова приходится меняться, бороться с собой. Попытка изменить себя усиливает отчуждение между человеком и миром. Но человека изменить невозможно. Изменение может произойти, когда он увидит свой ум и научится принимать условности.

Сложность в том, что современному человеку на каждом шагу внушают правила, которым он следовать не в состоянии. Но есть выход: отказаться от дискурсивного мышления и найти свой собственный путь. Это совсем не означает, что нужно нарушать стереотипы, ценности, нормы. Появление субкультур и контркультур – показатель того, что человек пытается неосознанно, спонтанно преодолеть отчуждение.

Существует огромное различие в понимании отчуждения Марксом и Гегелем, хотя первого нередко относят к гегелевской традиции. Гегель Г. усматривает весь смысл развития человечества, его жизни и мышления в преодолении отчуждения между сознанием и самосознанием, бытием «в себе» и «для себя», субъектом и объектом. Для Г. Гегеля человек является, прежде всего, продуктом Абсолютного Духа, мыслящим субъектом и снятие отчуждения происходит в мире духа и мыслей. Снятие отчуждения возможно только в мышлении, в мысли человека, философа. В объективной реальности же все остается по-старому. Согласно К. Марксу, главная задача философии после разоблачения священного образа самоотчуждения человека состоит в

том, чтобы разоблачить в «несвященных образах» самоотчуждение. Критика неба, при этом, превращается, в критику земли, критика религии – в критику права, а критика теологии становится критикой политики» [14, 415].

По Г. Гегелю, отчуждение преодолевается только лишь в процессе мыслительной деятельности философа. В действительности же все остается по-старому. Более того, оставшаяся нетронутой, не подвергнутая мысли действительность, обладая реальным отчуждением, провозглашается мыслителем уже как не отчужденная в силу того, что снятие отчуждения в мысли философа тождественно его снятию в реальности [7, 85]. Но видимых критериев преодоления отчуждения не существует. Ни с одним из духовных учителей в физическом смысле изменений не произошло. Они изменились в душе, в сознании.

Итак, разрешение большинства проблем социального и экзистенциального характеров зависит от решения проблемы человеческого отчуждения. Человек, преодолев отчуждение, не останется приверженцем той или иной секты, субкультуры, контркультуры. Ему необходимо уединиться от самого себя, чтобы экзистенциально прочувствовать ментальное отчуждение. Речь здесь не идет о социальном, а об экзистенциальном уединении, имманентном. Одиночество – необходимое следствие любого отчуждения.

Необходимо различать два противоположных типа одиночества: путь человека, который достиг предела от печали, безысходности и страдания и путь одинокого человека, своеобразного аскета-мудреца, который потерял уединении самого себя.

Эволюция не оказывает существенного воздействия на человека в рамках короткого периода времени. Обусловленное связями детерминационного характера, естественно происходящие процессы развивают, со временем, ориентацию на конформизм в сложной, безликой социальной системе. Потребности человека растут сиюминутно, а изменения происходят медленно. Человек живет в мире иллюзий, осознает необходимость преодоления в обществе негативных проявлений отчуждения, но не может снять

общественные противоречия и преобразовать социальные институты. Традиционные духовные ориентиры, заложенные в процессе социализации, позволяют человеку избежать фрустраций. Но жизнь, при этом, по сравнению с желанием самореализации кажется неполноценной.

По мере роста могущества человека, стоящие перед ним задачи увеличиваются. Это значит, каждая отдельная личность нуждается в таких качествах, которые ранее принадлежали немногим. Содержание общественной активности человека не может быть запрограммировано традиционной консервативной системой воспитания, особенно сейчас в сложном, быстро меняющемся, динамичном обществе. Индивид должен обладать устойчивой способностью выдерживать информационные нагрузки и изменение среды, не теряя идентичности. Должен обладать лабильностью, психологической гибкостью, позволяющей усваивать и производить информацию в зрелом возрасте. Не обладая этими качествами, человек отстает от жизни.

Мышление должно быть открытым, обращенным к миру, не быть шаблонным, конформистским, т.к. безликим общество становится тогда, когда его составляющие теряют свою индивидуальность. Без дисциплинированности, организованности невозможно представить функционирование социальных взаимосвязей. Вместе с тем смелость, инициативность, решительность – те качества, которые необходимы при достижении цели. Любая новая мысль рождается и только по истечении некоторого времени усваивается и осознается другими.

Феномен отчуждения, являясь одной из «вечных» философских проблем, никогда не терял своей значимости и актуальности. Постоянное воспроизведение этого феномена в человеческом обществе обусловлено как гносеологическими, онтологическими, так и социокультурными факторами. Уникальность этой проблемы состоит ещё и в том, что отчуждение не преодолевается только наукой, оно преодолевается только тогда, когда будет экзистенциально пережито и осознано в сердце каждого мыслящего человека. Без разрешения проблем, связанных с отчуждением человека от самого себя и

общества, просто невозможно наладить диалог различных культур и показать пути решения межличностных конфликтов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В дипломной работе были раскрыты и систематически проанализированы основные характеристики феномена отчуждения в современном западноевропейском обществе; тем самым достигнута поставленная цель исследования. Было изучено формирование проблемы отчуждения в контексте общего процесса социальной секуляризации западноевропейской культурной и идейной истории; в связи с этим рассмотрена специфика трактовок отчуждения в современной западноевропейской культурологической и философской мысли. Подробно и предметно исследован феномен отчуждения человека с использованием предложенных скандинавскими исследователями концептов бинарных форм отчуждения (скрытых и явных). В качестве практической апробации проведено тестирование на выявление степени отчужденности среди жителей европейских стран в возрасте от 20 до 35 лет, представленное таблицами в тексте дипломной работы и оригиналом англоязычной анкеты-опросника в Приложении. Как результирующий момент исследования выявлены и рассмотрены возможные способы преодоления отчуждения.

Показано, что отчуждение выступило следствием специфических процессов, определяющих состояние современной социальной реальности. На его сохранение и развитие влияет ряд факторов: кардинальное изменение картины мира, трансформация идентичности человека под влиянием информатизации, обусловленной увеличением новых средств информации и коммуникации, хаотизация социального пространства, дефицит межчеловеческих связей и их стабильности. Все эти явления приводят к изменениям внутреннего мира человека, для которого одиночество, усиливающее внутреннюю разорванность, оказывается постоянным спутником.

Современная реальность демонстрирует своеобразную амбивалентность коммуникативных отношений и связей: с одной стороны, человек находится в пространстве постоянных, неизбежных, необходимых, множественных социальных контактов. С другой стороны, такая включенность совсем не

гарантирует стабильности, долговременности отношений, сопричастности общему делу или социальной группе. Подобное противоречие приводит человека к ощущению тотального одиночества, хотя, зачастую, он сам подвергает себя отчуждению.

Отчуждение является неизбежным аспектом существования человека. Мыслители различных эпох задумывались над проблемой одиночества и отчужденности, но артикулированным предметом рефлексии феномен отчуждения выступил в XIX-XX вв. В этот период проблематика отчуждения концептуально оформилась, была переосмыслена относительно предшествующих традиционных трактовок, приобрела специфические черты.

Известно, что интерпретации любой экзистенциально-антропологической проблемы определялись особенностями конкретной эпохи, а интерес к такого рода проблемам, включая отчуждение, особенно возрастал в кризисные, переломные исторические моменты.

В Новое время секуляризация мировоззрения привела к событиям, которые, как отмечают ряд философов, привели к возникновению отчаяния и отчуждения в XX веке. Кроме того, история XIX-XX веков свидетельствует о все возрастающем социальном отчуждении и кризисе антропологизма. Это нашло отражение в общественном сознании. Возникла философская антропология, экзистенциализм с идеей обреченности человека на одиночество. Продолжающийся в наши дни антропологический кризис – это ситуация духовного отчуждения, в котором оказалась культура и общественное сознание.

Как экзистенциально-антропологический феномен, отчуждение применительно к человеку проявляется в различных вариациях одной и той же темы, которые можно определить как заброшенность или отрешенность.

По мнению исследователей, отчужденность почти всегда свидетельствует о конфликте между человеком и окружающим миром. Так антропологи и философы в XX веке описывали восприятие окружающей действительности современников как чуждое, враждебное. Главная причина этому – рутинизация жизни, экзистенциальная скука, появившаяся с возникновением массовой

культуры. Таким образом, по мнению исследователей, одна из важных причин отчуждения в XX веке заключается в осознаваемой монотонности жизни.

Сущность другой причины возникновения феномена отчуждения следует рассматривать через оппозицию «отвращение – скука». Разница между двумя составляющими отчуждения, скукой и отвращением, состоит в способе восприятия. Отвращение имеет конкретную причину и объект, скука является неопределенным, смутным, не имеющим объекта чувством. Скука бессмысленна, отвращение понуждает к активному действию, сопротивлению. Скука предполагает апатичное отношение к любым составляющим жизни. Отвращение всегда инициирует действие, особого рода бегство человека от враждебного ему мира, бегство, которое может происходить как в душе, так и в реальной жизни.

Феномен отчуждения также можно рассматривать через оппозицию «бегство – акедия», которую помимо Л. Свендсен и К. Юханиссон исследуют Р. Лагерборг и Ж. Старобинский, связывая ее со скукой и отвращением. Они объясняют различие между бегством и акедией различием типов деятельности (пассивная или активная). Бегство представляет собой попытку избавиться от скуки или надоевшей обстановки, оно наполнено экзистенциальным смыслом, символизирующим отчуждение, освобождение, преодоление пустоты. Напротив, ощущение пустоты характерно для акедии. К ее признакам относятся отвращение к окружающему миру, пассивность, подавленность, которые, с одной стороны, порождают скуку, а с другой стороны, вызывают желание бежать.

Отчуждение обычно возникает в случае разрыва между сущностью и существованием, неудовлетворенностью сложившимися обстоятельствами и многочисленными несоответствиями между ожидаемым и реальным. Человек теряется в мире, утрачивает связь с природными и общественными элементами, с основами, создающими возможность для нормального существования.

Человек оказался заброшенным в чуждом ему мире. Он испытывает глубокое ощущение бездомности, заставляющее задаваться вопросами о

причинах отчуждения и способах их преодоления. Отчуждение – социальная проблема, требующая разрешения. В настоящих условиях человек испытывает и осознает одиночество как следствие не соизмеримости внутреннего Я и Я для Другого.

Отчуждение не преодолевается только наукой, оно преодолевается только тогда, когда будет экзистенциально пережито и осознано в сердце каждого мыслящего человека. Без разрешения проблем, связанных с отчуждением человека от самого себя и общества, просто невозможно наладить диалог различных культур и показать пути решения межличностных конфликтов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блуд А. О феномене «акедия» (уныние) / А. Блуд // Церковь и мир: христианизация и секуляризм [Электронный ресурс] / Киевское Религиозно-философское общество. – Электронный журнал. Киев, 2013. – Режим доступа: <http://bogoslav.ru/text/3578037/>.
2. Большая Медицинская Энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bigmeden.ru/article/Аподемиалгия>. – Последнее обновление: 28.02.16.
3. Большая Медицинская Энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bigmeden.ru/article/Бродяжничество>. – Последнее обновление: 28.02.16.
4. Большая Медицинская Энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bigmeden.ru/article/Дромомания>. – Последнее обновление: 28.02.16.
5. Большая психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psychology.academic.ru/7330/дромомания>. – Последнее обновление: 28.02.16.
6. Вильданова Г. Б. Феномен отчуждения и пути его преодоления [Текст] / Г.Б. Вильданова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – №17. – С. 15.
7. Гегель Г. Работы разных лет [Текст]. – В 2 ч. Ч.2. – М.: Мысль, 1973. – С. 85.
8. Гейзенберг В. Шаги за горизонт [Текст] / В. Гейзенберг, М.: Прогресс, 1987. – С.304.
9. Губман Б.Л. Неотомистская антропология и ее эволюция [Текст] / Б.Л. Губман // Буржуазная философская антропология XX века. М.: РОССПЭН, 2005. – С. 268-275.
10. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия [Текст] / Э. Гуссерль // Общество. Культура. Философия. М.: АСТ, 2007. – С. 38.

11. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие [Текст] / Л.Г. Ионин. – 2-ое изд. – М.: ГУ-ВШЭ, 2004. – 432 с.
12. Камю, А. Бунтующий человек [Текст] / А. Камю. Перев. с фр. Ю. Денисов. М.: Политиздат, 1990. – С. 314.
13. Маграт А. Богословская мысль Реформации [Текст] / А. Маграт. Перев. с англ. Одесса: Богомыслие, 1994. – С.59.
14. Маркс К. К критике Гегелевской философии права [Текст] / К. Маркс, пер. с нем. под ред. Б.А. Драгуна. – М.: Мир книги: Литература, 2007. – С. 415.
15. Маркс К. Полное собрание сочинений [Текст]. – В 39 ч. Ч. 1. / К. Маркс. – М.: Издательство политической литературы, 1955-1974. – С. 408.
16. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества [Текст] / Г. Маркузе. Перев с англ. А.А. Юдина. М.: АСТ, 2009. – С.15.
17. Меньшикова Е.Е. Мифологема пути в туристическом нарративе [Текст] / Е.Е. Меньшикова // Современные исследования социальных проблем. – 2011. – №05. – С. 185-186.
18. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/2232.html>. – Последнее обновление: 28.02.16.
19. Общая психология: глоссарий [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://general_psychology.academic.ru/187/Драпетомания – Последнее обновление: 28.02.16.
20. Осин Е.Н. Смыслоутрата и отчуждение [Текст] / Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев // Культурно-историческая психология. – 2007. – №4, 2007. – С. 68-77.
21. Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека [Текст] / Дж. Пико делла Мирандола. Пер. Л. Брагина // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в пяти томах. Т.1. М.: Искусство, 1962. – С. 508.
22. Сартр Ж.-П. Тошнота / Ж.-П. Сартр, пер. Ю.Я. Яхиной – СПб.: Алетея, 2006. – 180 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/145395/read> (дата обращения: 16.03.2016).

23. Сботова С.В. Осмысление феномена пути в русской гуманитаристике XIX-XX вв. (В.О. Ключевский, Н.А. Бердяев, М.М. Бахтин) [Текст] / С.В. Сботова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2012. – №27. – С.58-61.
24. Свендсен, Л. Философия скуки [Текст] / Л. Свендсен. Перев. с норвежского К. Мурадян. – М.: Прогресс-традиция, 2007. – С. 33-34.
25. Современная западная философия. Энциклопедический словарь / Под ред. О. Хеффе, В.С. Малахова, В.П. Филатова при участии Т.А. Дмитриева. Ин-т философии. – М.: Культурная революция, 2009. – 392 с.
26. Степин В.С. Философская антропология и философия науки [Текст] / В.С. Степин. М.: Высшая школа, 2013. – С. 126.
27. Тиллих П. Избранное: Теология культуры [Текст] / П. Тиллих. Пер. с англ. – М.: Юрист, 2015. – С. 101.
28. Франкл, В. Человек в поисках смысла [Текст] / В. Франкл. Пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1990. – С. 295.
29. Фромм, Э. Здоровое общество [Текст] // Э. Фромм. Пер. Э.М. Телятниковой. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2009. – С. 168.
30. Хайдеггер М. Лекции о метафизике [Текст] / М. Хайдеггер. Пер. с нем. и коммент. С. Жигалкина. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 160 с.
31. Хайдеггер М. Поворот [Текст] / Хайдеггер М. // Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 2006. – С. 253.
32. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник [Текст] / М. Хайдеггер. Пер. с нем. под ред. А. Л. Доброхотова. – М.: Высш. шк., 1991. – С. 49.
33. Харламов А.В. Отчуждение человека в западноевропейской культуре (опыт социокультурного постомдерна) [Текст] / А.В. Харламов // Чуждое – Чужое – Наше. Наблюдения к проблеме взаимодействия культур. Новосибирск, 2000. – С. 93.

34. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения [Текст] / отв. ред. И.Т. Фролов, сост. П. Гуревич. – М.: Политиздат, 1991. – С. 219.
35. Юханиссон К. История меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь [Текст] / К. Юханиссон, пер. со шведского И. Матицыной. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 132.
36. Baudrillard J. The Ecstasy of Communication // Postmodern Culture. London, Pluto Press., 2012. P. 133.
37. Benjamin W. Charles Baudelaire: A lyric poet in the era of high capitalism. London, Verso book, 2010. P. 80.
38. Berrios G.E. The history of mental symptoms: Descriptive psychopathology since the nineteenth century. Cambridge, Cambridge University Press, 2014. Pp. 221-223.
39. Burton R. The anatomy of melancholy. 1621. I; 2; XV. Holbrook Jackson, ed. NY., 2006. Pp. 300-330. Available at: <https://www.gutenberg.org/files/10800/10800-h/10800-h.htm> (accessed 5 March 2016).
40. Chatwin B. In Patagonia. New York, Summit Books, 2011. P. 288
41. Chatwin B. What am I doing here. London, Penguin Books Ltd., 2015. P. 384.
42. Granit R. Ung mans vag till Minerva. Stockholm, 2015. Pp. 84-85.
43. Grimsley R. Romantic melancholy in Chateaubriand and Kierkegaard // Comparative Literature, 1956, no.8, pp. 227-244, 234.
44. Hacking I. Rewriting the soul: Multiple personality and the sciences of memory. Princeton, Princeton University Press, 2008. P. 336.
45. Johannisson K. Kroppens teater; Hypokondri // Kroppens tunna skal. Stockholm, Albert Bonniers Förlag, 2014. P. 298.
46. Jon Fosse. Natten sjunger sina sanger. Stockholm, Skadespel, 2013. P. 198.
47. Keller E.F. A feeling for the organism: The life and work of Barbara McClintock. New York, Henry Holt and Company, 2013. P. 272.
48. Lageborg R. Acedia. Stockholm, Natur och kultur, 2006. Pp. 87-88.

49. Lageborg R. I egna ogon – och andras: En bok om att kanna sig själv. Stockholm, Natur och kultur, 1983. P. 233.
50. Miller W.I. Anatomy of disgust. Cambridge, Harvard University Press, 2008. P. 336.
51. Moron P. The dissociation of a personality; a biographical study in abnormal psychology. New York, Longman, 2009. P. 598.
52. Morris W.F. Escaping Alienation: A Philosophy of Alienation and Dealienation. New York, University Press of America, 2010. P. 380.
53. Pickering G. Creative malady. London, Cambridge University Press, 2014. P. 92.
54. Ramazzini B. Om arbetares sjukdomar. Stockholm, 1991. Pp. 176-187.
55. Russel D. W. UCLA Loneliness Scale (Version 3): Reliability, Validity, and Factor Structure. Journal of Personality Assessment, 2007, no. 66, pp. 20-40.
56. Sayers Dorothy L. Creed or chaos? And other essays in popular theology. London, Methuen, 1954. Pp. 84-85.
57. Sjostrand W. Den akademiska acedian; i Neuros och pedagogisk prognos. Uppsala, Organisation och historia, 2010. Pp. 34-41.
58. Spacks M. Boredom; Johannisson K. Den morka kontinenten: Kvinann, medicinen och fin-de-siecle. Stockholm, 2004, kap. IV. S. 67-74.
59. Stein G. Dandy – Snob – Flaneur. Dekadenz und Exzentrik. Kulturfiguren und Sozialcharaktere des 19. und 20 Jahrhunderts. Frankfurt am Main, .Ss. 166-199.
60. Tissot S.-A. Red till de larde. Uppsala, 1821. P. 546.
61. Wigert V. Psykiska sjukdomstillstand, 4 uppl. Stockholm, 1938. Pp. 108-109.
62. Wilson C. The Outsider. Boston, Houghton Mifflin Company, 2010. 288 p.
63. Wrigley R. & Revill G. Pathologies of travel. Amsterdam and Atlanta, GA: Rodopi, 2012. P. 243.
64. Zern L. Det lysande morkert: Jon Fosses dramatik. Stockholm, NorstedtsÖvrigt, 2006. P. 78.

Приложение 1.

Анкета-опросник.

FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
”BELGOROD STATE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY”
(THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY “BELGOROD STATE
UNIVERSITY” / “BELSU”)
 FACULTY OF THEOLOGY AND SOCIAL SCIENCES
 DEPARTMENT OF CULTURAL STUDIES AND POLITICAL SCIENCE

UCLA LONELINESS SCALE (D. RUSSELL, L. A. PEPLAU, M. L. FERGUSON)

INSTRUCTIONS: Indicate how often each of the statements below is descriptive of you. «O» indicates “I often feel this way”, «S» indicates “I sometimes feel this way”, «R» indicates “I rarely feel this way”, «N» indicates “I never feel this way”

Age _____
 Sex _____
 Country _____

1. I am unhappy doing so many things alone	O S R N
2. I have nobody to talk to	O S R N
3. I cannot tolerate being so alone	O S R N
4. I lack companionship	O S R N
5. I feel as if nobody really understands me	O S R N
6. I find myself waiting for people to call or write	O S R N
7. There is no one I can turn to	O S R N
8. I am no longer close to anyone	O S R N
9. My interests and ideas are not shared by those around me	O S R N
10. I feel left out	O S R N
11. I feel completely alone	O S R N
12. I am unable to reach out and communicate with those around me	O S R N
13. My social relationships are superficial	O S R N
14. I feel starved for company	O S R N
15. No one really knows me well	O S R N
16. I feel isolated from others	O S R N
17. I am unhappy being so withdrawn	O S R N
18. It is difficult for me to make friends	O S R N
19. I feel shut out and excluded by others	O S R N
20. People are around me but not with me	O S R N

Date _____